

Воспоминанія бывшего студента Харьковского университета 60-х годовъ.

Съ небольшимъ 50 лѣтъ тому назадъ, я вступилъ въ число студентовъ Харьковского университета, отъ котораго черезъ 2 года получилъ кандидатскій дипломъ. Покуда еще всѣ впечатлѣнія моей студенческой жизни сохраняются въ свѣжести, хочется изложить ихъ на бумагѣ. Насколько это изложеніе можетъ заинтересовать читателей—судить мнѣ очень трудно. Описывая обстоятельства лучшаго времени своей жизни, трудно оторваться отъ субъективной точки зрѣнія. Все, или по крайней мѣрѣ, многое, сильно затрогивавшее интересъ личный, представляется мнѣ важнымъ въ смыслѣ общественномъ, а для другихъ можетъ быть многое изъ этого многого представить интересъ слишкомъ слабый. Но да извинятъ эти другіе невольное увлеченіе дорогимъ прошлымъ и невольную переоцѣнку этого прошлаго...

Я явился въ Харьковскій университетъ въ качествѣ бывшего студента 2-го курса историко-филологическаго факультета университета С.-Петербургскаго и черезъ нѣсколько дней подалъ исправляющему должность ректора прошеніе о переводѣ меня въ факультетъ юридическій. При этомъ я просилъ также, чтобы меня зачислили на 2-й же курсъ, такъ какъ я въ Петербургѣ занимался предметами юридическаго факультета и вполне надѣюсь въ концѣ года выдержать переводный экзаменъ въ 3-й курсъ. Въ послѣдней просьбѣ мнѣ отказали, и я на 3-й годъ послѣ своего официальнаго зачисленія студентомъ зачисленъ былъ снова студентомъ 1-го курса, но только новаго факультета. Въ объясненіе происшедшаго я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что предшествовало моему переходу въ Харьковъ.

Въ С.-Петербургскій университетъ я вступилъ въ 1860 г., За годъ передъ тѣмъ я, въ качествѣ кадета 1-го кадетскаго корпуса, сдалъ экзаменъ на чинъ прапорщика артиллеріи или подпоручика арміи, но воспользоваться правомъ, добытымъ по экзамену, я не могъ, такъ какъ имѣлъ тогда всего 16 лѣтъ отъ роду... Я былъ переведенъ въ необязательный 3-й спеціаль- ный классъ корпуса, но взялъ 11-ти мѣсячный отпускъ и сталъ готовиться къ пріемному экзамену въ университетъ. Не зная вовсе древнихъ языковъ, я долженъ былъ въ теченіе года почти все время употребить на занятіе латинскимъ языкомъ и на пріем- номъ экзаменѣ получилъ по этому предмету высшую изъ трехъ отмѣтокъ, которыя тогда ставились экзаменовавшимся (весьма удо- влетворительно, удовлетворительно и неудовлетворительно). Зна- нія греческаго языка не требовалось ни для какого факультета, и потому я, по выдержаніи экзамена по всѣмъ остальнымъ предметамъ, могъ поступить на какой угодно факультетъ. Гре- ческимъ языкомъ я только началъ заниматься, и потому, оче- видно, я наименѣе былъ подготовленъ къ поступленію на историко- филологическій факультетъ. Между тѣмъ, именно этотъ факуль- тетъ былъ избранъ мною. Меня влекло туда стремленіе озна- комиться съ славянскими нарѣчіями и славянской исторіей... Полагаясь на свои силы, я считалъ возможнымъ одолѣть оба древнихъ языка, на сколько это окажется необходимымъ.

Въ 1-й годъ по зачисленіи въ студенты (1860—61 учебный годъ), я продолжалъ еще занятія латинскимъ языкомъ, акку- ратно посѣщая лекціи—если ихъ можно такъ назвать—Гр. Ив. Лапшина, который занимался съ нами переводами Тацита. Лек- цій греческаго языка я рѣшилъ покуда не слушать, думая под- готовиться къ нимъ къ слѣдующему году. Между тѣмъ слу- шалъ лекціи Н. И. Костомарова, М. И. Сухомлинова и Изм. Ив. Срезневскаго и по окончаніи учебнаго года былъ по тог- дашнимъ правиламъ безъ экзамена переведенъ на 2-й курсъ того же факультета.

2-й студенческой годъ (1861—2 учебный годъ) мнѣ не при- плось слушать университетскихъ лекцій, такъ какъ вслѣдствіе студенческихъ волненій университетъ былъ закрытъ. Я былъ, со- гласно прошенію, уволенъ изъ числа студентовъ сосвидѣтельствомъ о состоявшемся переводѣ во 2-й курсъ. Предоставленный самому себѣ, я, оставивъ въ сторонѣ занятія древними языками, за- нялся исключительно чтеніемъ. За 2 студенческие года въ Пе- тербургѣ я прочелъ напечатанные труды Костомарова, вышед- шіе томы „Русской Исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ Со-

ловьева (вышли I—IX томы), сочиненія Грановскаго, все, что вышло въ русскомъ переводѣ изъ трудовъ Маколея, и въ нѣмецкомъ переводѣ обѣ части „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ Бокля. Крімъ того я прочелъ курсъ политической экономіи Горлова, русский переводъ политической экономіи Дж. Ст. Милля и, затѣмъ, все, что могъ найти относящагося къ государственному праву западно-европейскихъ державъ (тогда вышло, между прочимъ, изданіе редакціи „Современнаго Слова“: „Обзоръ современныхъ конституцій“). Говорю это въ объясненіе своего права сказать ректору Харьковского университета, что я ознакомленъ уже съ частью курса юридическаго факультета, на что, впрочемъ, какъ я уже сказавъ, Совѣтъ Харьковского университета не обратилъ никакого вниманія.

На слѣдующій учебный 1862—63 годъ въ Петербургѣ были открыты только 2 факультета: физико-математическій и восточныхъ языковъ, а для бывшихъ студентовъ прочихъ факультетовъ были учреждены 150 стипендій по 200 рублей въ годъ: 30 въ университетѣ Московскомъ и по 60 въ Харьковскомъ и Казанскомъ. Я подалъ прошеніе о зачисленіи на стипендію въ Московскомъ университетѣ, но получилъ отказъ: въ Москву назначали только тѣхъ студентовъ, которые сдали переводный экзаменъ изъ 2-го курса въ 3-й (другихъ переводныхъ экзаменовъ тогда не было). Мнѣ предложили выбрать одинъ изъ 2-хъ другихъ университетовъ, и я выбралъ Харьковъ. Переходя въ другой университетъ, я хорошо сознавалъ, что мнѣ должно оставить мысль о историко-филологическомъ факультетѣ, тѣмъ болѣе, что, желая заниматься исторіей, я всегда болѣе интересовался вопросами исторіи политической,—ни изученіе лингвистики, ни изученіе литературы не влекло меня къ себѣ,—но и теперь не покидало меня желаніе изучать славянскія нарѣчія. Встрѣтивъ въ зданіи Спб. университета исправлявшаго тогда должность ректора Измаила Ивановича Срезневскаго, который хорошо помнилъ свою немногочисленную аудиторію предшествовавшаго года, я подошелъ къ нему и сказалъ о предстоящемъ моемъ переходѣ въ Харьковъ. Измаилъ Ивановичъ предложилъ мнѣ зайти къ нему за полученіемъ рекомендательнаго письма къ харьковскому профессору славянскихъ нарѣчій, Петру Алексѣевичу Лавровскому; я, въ виду вышеизложеннаго желанія, обрадовался этому предположенію, посѣтилъ Измаила Ивановича и съ благодарностью принялъ отъ него обѣщанное письмо. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, въ сентябрѣ 1862 года, вооруженный надлежащими бумагами, подорожной „по казенной

надобности“ и прогонными деньгами въ размѣрѣ 50-ти рублей, я отправился съ 2-мя товарищами черезъ Москву въ Харьковъ, гдѣ и оказался вскорѣ, какъ уже было сказано, студентомъ 1-го курса юридическаго факультета.

Къ описанію обстоятельствъ моего пребыванія въ Харьковѣ я теперь и обращаюсь.

Профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ въ мое время въ 2-хъ факультетахъ,—о которыхъ я только и могу говорить,—было немного, и весьма многіе изъ нихъ занимали по 2 каѳедры. Въ историко-филологическомъ факультетѣ единственнымъ представителемъ классической филологіи былъ профессоръ Тихоновичъ. Онъ читалъ латинскій языкъ, его литературу, римскія древности, греческій языкъ, литературу и древности, и въ то же время онъ занималъ должность инспектора классовъ женскаго института вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Деканомъ историко-филологическаго факультета былъ профессоръ русской литературы Николай Алексѣевичъ Лавровскій,—впослѣдствіи директоръ Нѣжинскаго филологическаго института и затѣмъ попечитель Рижскаго учебнаго округа. Младшій братъ его—Петръ Алексѣевичъ—былъ профессоромъ славянскихъ нарѣчій и въ то же время главнымъ воротилой всѣхъ университетскихъ дѣлъ. Впослѣдствіи онъ былъ назначеннымъ ректоромъ Варшавскаго университета, а затѣмъ — попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа. Наука языка имѣла блестящаго представителя въ лицѣ молодого доцента Потебни. Но крайне печально было во все время моего пребыванія въ Харьковѣ положеніе науки исторической. Она была представлена 2-мя профессорами: русской исторіи—Зернинымъ и всеобщей—Петровымъ. Петровъ, котораго талантливые очерки обратили на себя заслуженное вниманіе впослѣдствіи, оба мои харьковскіе года по болѣзни вовсе не читалъ лекцій. Зернинъ читалъ лекціи въ началѣ перваго года, и для филологовъ, и для историковъ, затѣмъ прекратилъ ихъ также по болѣзни, отъ которой уже и не оправлялся. Замѣчательнымъ профессоромъ, кажется, впрочемъ онъ никогда не былъ. Если къ названнымъ лицамъ присоединить еще протоіерея Добротворскаго, который читалъ богословіе для студентовъ всѣхъ факультетовъ, церковное законовѣдѣніе для юристовъ и церковную исторію для филологовъ,—то весь составъ филологическаго факультета моего времени исчерпанъ. Не позволяя себѣ судить о внутреннемъ достоинствѣ профессоровъ, которыхъ я выслушалъ изъ любознательности одну или двѣ лекціи, считаю себя только въ правѣ сказать, что даромъ слова они обладали.

Серьезное значеніе, какъ профессоръ, кромѣ Потебни, могъ имѣть во всякомъ случаѣ Петръ Алексѣевичъ Лавровскій,—человѣкъ, несомнѣнно обладавшій и знаніями и способностями. Съ нимъ мнѣ пришлось въ скоромъ времени по пріѣздѣ познакомиться. Я явился къ нему съ письмомъ И. И. Срезневскаго. Онъ принялъ меня очень любезно, и я просидѣлъ у него до поздняго вечера. Я сообщилъ П. А.—ичу о своемъ переходѣ на юридическій факультетъ и о желаніи продолжать изученіе славянскихъ нарѣчій. Къ этимъ заявленіямъ моимъ онъ отнесся въ высшей степени сочувственно. Убѣдившись, какъ кажется, изъ довольно длиннаго разговора, что я дѣйствительно обладаю нѣкоторыми свѣдѣніями по исторіи, какъ и по его спеціальному предмету, онъ въ тотъ же вечеръ указалъ мнѣ цѣль, къ которой, по его мнѣнію, я долженъ былъ стремиться, и достиженіе которой для меня затрудненій не представитъ. Въ юридическомъ факультетѣ будетъ учреждена кафедра исторіи славянскихъ законодательствъ, но кандидатовъ на эту кафедру въшній факультетъ имѣть навѣрное не будетъ. Окончивъ курсъ юридического факультета, я окажусь законнымъ кандидатомъ на новую кафедру. Уходя, я получилъ любезною предложеніе хозяина посѣщать его. Я рѣшился пользоваться приглашеніями П. А.—ча, если они и далѣе будутъ повторяться. Попробовавъ черезъ нѣсколько времени снова прійти къ нему, я встрѣтилъ снова любезный пріемъ и предупредительное отношеніе, почему въ теченіе всего перваго года я по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ бывалъ у него. Лекціи его я посѣщалъ аккуратно. Онъ преподавалъ студентамъ въ этотъ годъ сербскій языкъ и читалъ исторію сербскаго народа. Меня онъ не желалъ много отвлекать отъ занятій юридическихъ, но тѣмъ не менѣе давалъ нѣкоторыя книги на сербскомъ и на хорватскомъ нарѣчій. Разговоръ его былъ всегда оживленный и интересный, дышавшій любовью къ славянскому міру и ненавистію къ австрійскому владычеству надъ славянами и къ пріемамъ австрійской внутренней и внѣшней политики. Къ профессорамъ юридического факультета Лавровскіе не пытали пріязни. Отчасти это исходило изъ разности возрѣвій, изъ нелюбви къ западническому направленію, которое они видѣли въ представителяхъ юридического факультета, въ особенности же въ Д. И. Каченовскомъ, отчасти были тутъ и личныя причины, такъ какъ П. А. Лавровскій въ своемъ стремленіи заправлять университетомъ встрѣчалъ въ Каченовскомъ и въ его товарищахъ по факультету часто сильное сопротивленіе. Про меня П. А.—чъ

говорилъ одному изъ близкихъ ему лицъ, съ которымъ я впоследствии часто встрѣчался, что онъ надѣялся мною „вбить клинъ“,—по его выраженію,—въ юридическій факультетъ. Славянофильское направленіе, которому я сочувствовалъ еще при началѣ своихъ мечтаній объ университетѣ, было довольно сильно и въ началѣ харьковскаго времени, и оно меня внутренне сближало съ Лавровскимъ. Но нужно сказать, что именно къ концу этого перваго харьковскаго года меня стало перетягивать къ западничеству. У меня сохранились замѣтки, которыя я дѣлалъ въ концѣ этого года по прочтеніи одной изъ статей Аксаковскаго „Дня“, именно статьи Гилярова-Платонова по поводу судебной реформы. Въ этой статьѣ рѣзко повторялась мысль Конст. Аксакова о томъ, что русскій народъ для себя, „для земли“ жаждетъ свободы мысли и слова, предоставляя свободу дѣйствія, власть принужденія представителямъ правительства. Русскіе земскіе люди не могутъ, какъ люди европейскаго запада, „священнодѣйствовать“, принимая на себя власть. Въ своихъ замѣчаніяхъ на эту статью я выражалъ сомнѣніе, чтобы можно было найти элементъ „священнодѣйствія“ и въ поступкахъ нашего чиновничества. Главнымъ же образомъ я выбиралъ и выписывалъ мѣста изъ IX тома исторіи Соловьева, изъ которыхъ вытекало, что представители земли,—члены земскаго собора,—нисколько не чуждались принимать на себя власть, чтобы расправляться съ измѣнниками въ родѣ Федора Андропова... Не сумѣю указать, подъ какими именно вліяніями я болѣе и болѣе отставалъ отъ славянофильства; вмѣстѣ съ тѣмъ я внутренне отдалялся и отъ П. А. Лавровскаго... Съ Дм. Ив. Каченовскимъ я имѣлъ случай встрѣтиться и познакомиться въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Харьковѣ,—ранѣе еще, чѣмъ увидѣлъ его на кафедрѣ. При отъѣздѣ изъ Петербурга я получилъ отъ одного знакомаго, бывшаго харьковскаго студента, рекомендательное письмо къ его харьковскому товарищу—Петру Захаровичу Тимошенко, который въ это время занималъ должность въ Харьковскомъ университетѣ помощника бібліотекаря. Петръ Захаровичъ готовился къ профессорской дѣятельности. Онъ сдалъ экзаменъ на магистра политической экономіи и собирался писать диссертацию. Обстоятельства ему не позволили осуществить свои желанія. Черезъ нѣсколько времени онъ, имѣя въ виду женитьбу, принялъ на себя уроки русскаго языка и словесности въ Харьковскомъ женскомъ институтѣ. Заботы о семьѣ потребовали увеличенія занятій, и надежды на профессуру были скоро покинуты... Во все время моей харьковской жизни я часто

посѣщаль П. З—ча, но особенно памятенъ мнѣ былъ первый визитъ къ нему. Письмо, которое я къ нему имѣлъ, я ему передалъ въ библиотекѣ и затѣмъ, по его приглашенію, зашелъ на его квартиру вблизи Екатеринославской улицы. У него я засталъ совершенно незнакомаго мнѣ человѣка, которому онъ меня представилъ, какъ петербургскаго студента, мнѣ его не называя. Они собирались вмѣстѣ прогуляться и предложили мнѣ идти съ ними, на что я съ удовольствіемъ согласился. Незнакомецъ меня сталъ спрашивать о С.-ПБ-скомъ университетѣ и о моихъ занятіяхъ. Зашелъ разговоръ о Боклѣ, которымъ я въ то время увлекался (несмотря на свое славянофильство). Я высказался въ томъ смыслѣ, что для занятій исторіей, какъ оказывается, необходимо ознакомленіе со многими частями естествознанія, и что я, къ сожалѣнію, очень мало знакомъ съ естественными науками и желалъ бы пополнить свои знанія. Мнѣ казалось, дѣйствительно, въ это время необходимо пополнить свои свѣдѣнія, въ особенности по химіи. Я учился химіи въ кадетскомъ корпусѣ, но проходили ее кратко и по системѣ Берцелиуса, между тѣмъ я зналъ, что теперь дѣлается общепринятой система унитарная. Я думалъ, между прочимъ, что буду посѣщать лекціи профессора Ник. Ник. Бекетова. Оказалось, что я затронулъ большое мѣсто моего собесѣдника. Онъ отвѣтилъ мнѣ горячею рѣчью, продолжавшеюся все время нашей прогулки (а мы прошли всю Екатеринославскую улицу до Семинарской Горки и назадъ). Онъ говорилъ, что нельзя такъ разбрасываться, какъ я думаю. Каждая наука слишкомъ сложна, чтобы можно было себя отдавать и другимъ еще. Между тѣмъ, мы въ особенности нуждаемся въ наукѣ общественной. Юридическое и политическое образованіе наше особенно слабо. А вотъ теперь предстоитъ судебная реформа. Люди нужны будутъ, но люди съ обширными и глубокими знаніями и привычныя къ работѣ, къ работѣ усидчивой. Совокупность этихъ двухъ условій,—пріобрѣтеніе привычки къ труду и пріобрѣтеніе юридическаго образованія—вотъ что требуется настоящимъ моментомъ исторіи, вотъ чего требуетъ отъ насъ нашъ гражданскій долгъ. Когда собесѣдникъ насъ оставилъ, я узналъ отъ Т., что это былъ профессоръ Каченовскій. Очень мнѣ пріятно было слышать эту рѣчь Каченовскаго, тѣмъ болѣе, что я былъ согласенъ почти съ каждымъ словомъ его. Нечего и говорить, что я проникся съ этой встрѣчи глубокимъ къ нему уваженіемъ и глубокой симпатіей. Тѣмъ не менѣе, я не оставилъ желанія посѣщать лекціи Бекетова. Казалось мнѣ, во 1-хъ, что Каченовскій не достаточно цѣнилъ ме-

тодь Бокля и недостаточно цѣнить значеніе наукъ, чуждыхъ его прямой спеціальности, а главное, преувеличенная вѣра въ собственные силы не оставляла меня. Лекціи Н. Н. Бекетова я слушалъ довольно долго, прервалъ ихъ наравнѣ съ прочими вслѣдствіе 8-хъ-недѣльной болѣзни, но потомъ, возобновивъ посѣщеніе прочихъ лекцій, ихъ слушаніе уже не возобновлялъ. Кромѣ Бекетова я ходилъ, насколько мнѣ позволяло здоровье, на лекціи только 8-хъ профессоровъ: Лавровскаго, Каченовскаго и Станиславскаго. О лекціяхъ Лавровскаго я уже говорилъ. Для поясненія, какіе курсы я слушалъ у 2-хъ другихъ профессоровъ, я долженъ обратиться къ описанію состава юридическаго факультета того времени. Профессоровъ и на юридическомъ факультетѣ было немного. Притомъ, и они не всѣ были налицо. Профессоръ политической экономіи Сокальскій все время моего пребыванія въ Харьковѣ былъ за границей. Его кафедра пустовала. За границей былъ почти все время и готовившійся занять кафедру ученикъ и любимецъ Каченовскаго— Андрей Николаевичъ Стояновъ. Деканомъ юридическаго факультета былъ профессоръ уголовного права, Александръ Ивановичъ Палюмбецкій, единственный изъ наличныхъ профессоровъ, занимавшій только одну кафедру. Остальные же профессора занимали кафедры: Каченовскій—международнаго права и государственнаго права западно-европейскихъ державъ. Пахманъ—полицейскаго права и гражданскаго права, Станиславскій—энциклопедіи законовѣдѣнія, римскаго права и русскаго государственнаго права. Кромѣ названныхъ профессоровъ (и прежде помянутаго профессора каноническаго права, прот. Добротворскаго), читалъ еще лекціи финансоваго права доцентъ Стельмаховичъ, который, къ сожалѣнію, нѣкоторое время также болѣлъ и, кажется, въ скоромъ времени изъ-за болѣзни оставилъ университетъ. Говорю: къ сожалѣнію, хотя я его и не слушалъ вовсе. Но я готовился къ экзамену изъ финансоваго права по его запискамъ, которыя представляли изъ себя замѣчательно хорошее, обстоятельное и отчетливо изложенное руководство. Большая часть юридическихъ предметовъ была сосредоточена на 3-мъ и, частью, на 4-мъ курсѣ. Палюмбецкій, Пахманъ, Каченовскій, Стельмаховичъ и прот. Добротворскій читали исключительно студентамъ этихъ 2-хъ курсовъ. Палюмбецкій и Пахманъ читали 8-му курсу матеріальное уголовное и гражданское право, 4-му курсу—судопроизводство, Пахманъ, кромѣ того—8-му курсу читалъ полицейское право; Стельмаховичъ и прот. Добротворскій читали финансовое и каноническое право 4-му курсу. Каченовскій одинъ годъ читалъ

обоимъ старшимъ курсамъ международное право, другой годъ—также соединеннымъ курсамъ—государственное право европейскихъ державъ—по 6 разъ въ недѣлю, каждый день по лекціи.

Студенты 2-хъ первыхъ курсовъ, кромѣ общихъ лекцій (богословія, русской исторіи) изъ профессоровъ юристовъ слушали только Станиславскаго. Кажется, еще политическую экономію студенты должны были слушать на одномъ изъ первыхъ курсовъ, но этотъ предметъ, какъ я уже сказаль, за отсутствіемъ профессора Сокальскаго, не читался при мнѣ. Я слушалъ въ теченіе 1-го моего харьковскаго года вмѣстѣ со студентами 2-хъ старшихъ курсовъ Каченовскаго, который въ этотъ годъ читалъ государственное право западно-европейскихъ державъ, и затѣмъ, насколько мнѣ не мѣшали лекціи Каченовскаго и Лавровскаго, посѣщаль лекціи Станиславскаго по энциклопедіи для студентовъ 1-го курса и по римскому праву для 2-го курса. Остановлюсь теперь на этихъ лекціяхъ.

Каченовскій читалъ исторію государственнаго права Англіи и Франціи и очеркъ современнаго состоянія государственныхъ учрежденій (центральныхъ и мѣстныхъ) въ обѣихъ названныхъ странахъ. Слѣдующій разъ, когда ему пришлось читать этотъ же предметъ (въ 1864—5 учебномъ году), онъ присоединилъ еще къ своему курсу очеркъ Венгерской конституціи до 1849 года. Его курсъ былъ весьма подробный и обстоятельный. Онъ подробно разсматривалъ, между прочимъ, всѣ имѣвшіе мѣсто въ исторіи случаи столкновеній между парламентомъ и королевской властью, между парламентомъ и судами, между обѣими палатами парламента—до послѣдняго инцидента по поводу отмѣны пошлины на бумагу по предложенію Гладстона въ министерство Пальмерстона включительно. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы Каченовскій обладалъ даромъ освѣщать вопросы запутанные. Въ умахъ слушателей далеко не все оказывалось разъясненнымъ, и затѣмъ, разумѣется, еще большая неясность оказывалась въ запискахъ, его слушателями составленныхъ. Помню, съ какимъ удовольствіемъ мы, готовившіеся въ слѣдующемъ году къ экзамену у Каченовскаго, брались за лицейскія записки профессора Александровскаго лицея, Ивановскаго (бывшія у одного изъ моихъ товарищей). Къ сожалѣнію, записки эти были значительно короче записокъ, составленныхъ по лекціямъ Каченовскаго. Но за то все, что въ нихъ находилось, было изложено ясно и отчетливо. Каченовскій былъ болѣе всего художникъ. Онъ увлекался своимъ предметомъ и увлеченіе свое вносилъ въ преподаваніе. Къ своей задачѣ онъ относился въ

высшей степени добросовѣстно. Не пропуская ни одной лекціи, являясь въ аудиторію въ теченіе первыхъ пяти минутъ послѣ звонка и выходя изъ нея черезъ нѣсколько минутъ послѣ звонка выходнаго, онъ, какъ бы боялся опустить хоть одно слово изъ того матеріала, который онъ могъ сообщить своимъ слушателямъ. Но такая заботливость о сбереженіи матеріала преподаванія не мѣшала ему удѣлять отъ многихъ лекцій минутъ по 5—10-ти, иногда и $\frac{1}{4}$ часа на лирическія отступленія. Ему, поклоннику западно-европейскаго строя, кололи глаза многія явленія въ окружающей жизни, указывающія на отрицательное отношеніе къ его идеаламъ. Онъ стремился возбудить въ студенчествѣ прежде всего любовь къ занятіямъ, почтеніе къ европейской наукѣ вообще и въ особенности къ наукамъ, изучающимъ детали государственнаго, соціальнаго и экономическаго строя Западной Европы, и почтеніе къ тому, что выработано вѣками европейской цивилизаціи. Между тѣмъ, въ студенчество съ разныхъ сторонъ проникали иныя вѣянія, расшатывающія тѣ столбы, на которыхъ умѣренные западники желали утвердить образованіе будущихъ поколѣній. Съ одной стороны дѣйствовали націоналисты, въ 2-хъ видахъ: славянофилы, работающіе во имя національности великорусской, и украиннофилы, — во имя національности малороссійской; съ другой — послѣдователи крайнихъ партій запада. И тѣ и другіе относились къ университетской наукѣ, какъ ея задачу понималъ Каченовскій, враждебно, или даже презрительно. Националисты искали сближенія съ народомъ, погруженнымъ въ невѣжество, и отъ него думали получить назиданіе. Какой бы національный костюмъ ни избирался, сущность была одна и та же: народныя пѣсни, народныя обычая ставились во главу угла, если не просвѣщеннѣйшими представителями націоналистическихъ воззрѣній, то множествомъ ихъ молодыхъ послѣдователей. Какое-то римское право, нѣмецкая юридическая наука, государственныя учрежденія, введенныя гдѣ-то въ Англіи или во Франціи, къ намъ непримѣнимыя, очевидно все это ни къ чему не нужно, не стоитъ на это терять время. Но еще громче въ послѣднее время раздавались голоса, рѣшительно отрицающіе всякое значеніе за тѣмъ, къ изученію чего призывалъ университетскую молодежь Каченовскій. Голоса эти шли не изъ Хохлатчины, не изъ Москвы, а изъ Петровскаго окна въ Европу. На страницахъ модныхъ — для учащейся молодежи — петербургскихъ изданій помѣщались насмѣшки надъ „говорильнями“, какъ величались западно-европейскіе парламенты; вся европейская юридическая и политико-

экономическая наука, кромѣ крайнихъ соціалистическихъ теорій, признавалась ничего не стоящею. Каченовскій не могъ равнодушно переносить ту мысль, что западно-европейская политическая наука, недавно еще преслѣдуемая въ качествѣ опасной, не успѣла еще у насъ акклиматизироваться, а уже новыя волны готовы затопить ее... И вотъ, пользуясь разными поводами, перерывалъ онъ свои лекціи лирическими отступленіями, посвящая ихъ то славянофиламъ, то украинофиламъ, то—и чаще всего—новому направленію: послѣдователямъ и почитателямъ „Современника“ и К^о,—направленію, которое онъ окрестилъ именемъ „всѣнипочѣмства“. Во всѣхъ этихъ отступленіяхъ звучала одна и та же нотка. Всегда имъ указывалось, что общественное дѣло трудное, что организація государственныхъ учреждений требуетъ знаній, что опытъ показываетъ часто непримѣнимость того, что кажется легкимъ, что Западная Европа богата громаднымъ опытомъ, что его нужно изучать и изучать, а не относиться къ нему съ легкомысленнымъ презрѣніемъ, что основательное изученіе этого опыта и есть задача университетской науки и гражданская обязанность учащихъ и учащихся въ университетѣ.

Нужно сказать, что въ то время среди русскихъ западниковъ произошелъ серьезный расколъ. Катковъ со своимъ „Русскимъ Вѣстникомъ“ и „Современной Лѣтописью“ держался англоманства, почитая англійское самоуправленіе, какъ его изображалъ Гнейстъ, съ мировой юстиціей, творимой представителями джентри, занимающими бесплатныя почетныя должности. Малѣйшее сомнѣніе въ безусловномъ совершенствѣ этого порядка отмѣчалось Катковымъ какъ недостойное серьезныхъ людей проявленіе склонности *nil admirari* (какъ озаглавилъ Катковъ свою статью въ защиту англійской мировой юстиціи противъ профессора Б. И. Утина). Противоположныя мнѣнія высказывались Чичеринымъ, который, проводя идеи Дюпонъ Уайта, доказывалъ необходимость контроля центральнаго правительства надъ самоуправленіемъ, дающимъ власть надъ мѣстнымъ населеніемъ представителямъ высшаго класса этого населенія. При этомъ новѣйшая исторія англійскихъ учреждений (послѣ избирательной реформы 1832 года), съ постепеннымъ развитіемъ министерскаго контроля и увеличеніемъ числа платныхъ должностей, служила Чичерину прекрасной иллюстраціей защищаемыхъ имъ мыслей. Этимъ спорамъ Каченовскій оставался чуждъ. Ему казался западный строй вообще достойнымъ тщательнаго изученія, и всѣ его разновидности чуть не равноцѣн-

ными при сравненіи ихъ съ порядками нашей отживающей старины. Съ 1863 года газета Московскаго университета „Московскія Вѣдомости“, въ которой помѣщались нѣкоторыя свои статьи Чичеринъ, изъ-подъ редакціи Корша перешла въ руки Каткова. Состоялось такимъ образомъ примиреніе не между двумя направленіями, но между ихъ органами. При этомъ соединенные органы оказались органами совершенно новаго направленія—направленія, котораго знамя поднято Катковымъ во время польскаго востанія 1863 года, и къ которому примкнуло большинство русскаго дворянства и значительная часть чиновничества. На второй годъ моего пребыванія въ Харьковѣ мнѣ пришлось слушать Каченовскаго, читающаго уже другой предметъ—право международное. Лирическія отступленія и здѣсь нѣрѣдко имѣли мѣсто. Но предметъ этихъ отступленій былъ уже другой: они посвящались главнымъ образомъ... Каткову. Натурѣ Каченовскаго не могли не быть противными тѣ ноты, которыя были взяты Катковымъ. Профессоръ Московскаго университета, сотрудникъ Грановскаго, представитель философіи въ союзѣ съ недавними крѣпостниками, ратующими за насильственное подчиненіе народности, стоящей на нѣсколько болѣе высокой, чѣмъ мы, ступени культуры, и преданной идеѣ свободныхъ учрежденій... Но и этого еще недостаточно. Каченовскій—прововѣстникъ международнаго права, международныхъ соглашеній, точнаго исполненія международныхъ трактатовъ. Правительства западно-европейскихъ державъ заговорили по поводу польскаго вопроса, объ условіяхъ вѣнскаго трактата 1815 года, о необходимости передать вопросъ на обсужденіе новаго конгресса, во всякомъ случаѣ о необходимости новыхъ международныхъ соглашеній. Катковъ привѣтствовалъ ноты князя Горчакова, въ которыхъ отвергалась самая мысль о какихъ бы то ни было международныхъ соглашеніяхъ по польскому вопросу; послѣдній признавался нашимъ внутреннимъ вопросомъ. Каченовскій во имя торжества права сталъ на точку зрѣнія, діаметрально противоположную. Нѣтъ никакой надобности разбирать, какую точку зрѣнія въ данномъ вопросѣ нужно считать вѣрною. Для оцѣнки личности Каченовскаго нужно прежде всего независимость его сужденій. Защищать мысль, которую онъ признавалъ за истину, защищать ее противъ массы слушателей, для которыхъ имена Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева были имена чуть не святыя, имена авторитетовъ непререкаемыхъ, или противъ Каткова, за котораго стояло правительство и большинство людей вліятельныхъ въ томъ или

другомъ отношеніи, для Каченовскаго было требованіемъ природы, требованіемъ, которому онъ отдавался безъ размышленія, вопреки всякимъ соображеніямъ и собственной выгодѣ и даже безопасности. Не для угожденія начальству онъ боролся съ вліяніемъ Чернышевскаго, не для пріобрѣтенія популярности онъ высказывался теперь противъ Каткова. Онъ говорилъ то, что думалъ, высказывалъ то, что считалъ за истину, и высказывалъ свои мысли горячо, съ воодушевленіемъ. Какъ велико было вліяніе Каченовскаго на слушателей? Это вопросъ, который рѣшить довольно трудно. Между харьковскими студентами, на-ряду съ партіями украинофиловъ, весьма многочисленной, и славянофиловъ, далеко не многочисленной, существовала партія, которую называли каченофилами. Партія эта была также немногочисленна. Это объяснялось многими причинами. Не говорю уже о томъ, что для молодежи естественно вѣрить въ возможность и даже въ легкость достиженія тѣхъ идеаловъ, которые выставлялись писателями радикальнаго лагеря—идеаловъ политическаго и имущественнаго равенства и общаго благоденствія, но, полагаю, не послѣднею причиною малочисленности партій было и то обстоятельство, что принадлежность къ ней налагала на членовъ нѣкоторую обязанность и обязанность не легкую—обязанность работать. Дѣйствительно, извѣстные мнѣ члены партіи много занимались, много читали. Успѣхи ихъ занятій были, разумѣется, весьма разнообразны,—стояли они въ прямой зависимости отъ способности работающихъ. У многихъ изъ нихъ эти способности усердію мало соотвѣтствовали, и работа ихъ болѣе отличалась количествомъ, нежели качествомъ. Но въ то же время на дѣятельности ихъ лежала печать гуманности и любви къ истинному просвѣщенію.

Впрочемъ, заговоривъ о лекціяхъ Каченовскаго, я незамѣтно для себя перешелъ во 2-й годъ моего харьковскаго пребыванія, не покончивъ съ первымъ. Я уже сказалъ, что изъ профессоровъ юристовъ, кромѣ Каченовскаго, я слушалъ еще лекціи Станиславскаго по энциклопедіи законовѣдѣнія и по римскому праву. Станиславскій перешелъ въ Харьковъ изъ Казани. Позже мнѣ пришлось читать, что въ Казани Станиславскій навлекъ на себя подозрѣнія въ политической неблагонадежности. Здѣсь онъ, казалось, былъ внѣ всякихъ подозрѣній. Былъ чрезвычайно остороженъ. Словомъ владелъ прекрасно, начиналъ лекцію очень тихо, видимо съ расчетомъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе аудиторіи, затѣмъ постепенно возвышалъ голосъ. Какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны содержанія, его чтеніе было

ясно, отчетливо и доступно пониманію слушателей. Въ римскомъ правѣ для многихъ слушателей камнемъ преткновенія служили латинскіе тексты, которые особенно тщательно искажались составителями лекцій, и въ такомъ печальномъ видѣ, а то и еще съ большими искаженіями—воспроизводились отвѣчающими на экзаменѣ. Очень часто на экзаменѣ Станиславскій снисходительно-иронически предлагалъ отвѣчающимъ говорить исключительно по-русски. Мнѣ достались записки по римскому праву, весьма толково составленныя студентомъ Я., но латинскіе тексты въ нихъ были одно отчаяніе. Составитель окончилъ гимназію—кажется Орловскую—занимаясь только законовѣдѣніемъ вмѣсто латинскаго языка, и для поступленія въ университетъ держалъ экзаменъ по этому языку особо. Вѣроятно, экзаменъ былъ произведенъ очень снисходительно, такъ какъ пріобрѣтенныя при приготовленіи къ нему познанія не удержали Я. отъ употребленія выраженій въ родѣ *res judicatum* и т. под. Про Станиславскаго вообще можно сказать, что это былъ невыдающійся, но весьма полезный профессоръ. Изъ его лекцій по энциклопедіи мнѣ памятенъ слѣдующій случай. Пришлось ему излагать различныя формы государственнаго устройства. „Сравнивая между собою разные образцы правленія,—говорилъ Станиславскій—большинство современныхъ писателей отдають предпочтеніе, я долженъ вамъ это сказать, правленію монархическому ограниченному, конституціонному. Но я—продолжалъ онъ—съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ. При извѣстной степени умственнаго и политическаго развитія народа, для него можетъ быть признанъ еоотвѣтствующимъ республиканскій образъ правленія. Но, если народъ такой степени развитія не достигъ, нужно предпочесть для него образъ правленія монархическій неограниченный“.

Не могу оставить воспоминаній о первомъ годѣ моего пребыванія въ Харьковѣ, не упомянувъ о студенческомъ кружкѣ, который составилъ въ этомъ году и собирался въ опредѣленные дни въ квартирѣ студента Н. Главнымъ организаторомъ этого кружка былъ студентъ-юристъ II курса Павелъ Александровичъ Матвѣевъ. Въ него входило членовъ 15—20 студентовъ разныхъ факультетовъ, болѣе или менѣе знакомыхъ между собою. Цѣлью кружка была организація литературно-научныхъ занятій. Предполагалось общими усиліями перевести какое-нибудь сочиненіе на русскій языкъ и издать переводъ, указывать членамъ интересныя статьи для чтенія и ознакомленія съ ними всего общества посредствомъ рефератовъ и тому под. Былъ избранъ

предсѣдателемъ кружка одинъ бывшій дерптскій студентъ С., получившій въ Дерптѣ степень—не помню хорошенько—кандидата или магистра. Для переводовъ было избрано сочиненіе Зибеля: Исторія французской революціи. Были разобраны между участниками кружка главы этого сочиненія, но получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ Зибель переводится и выйдет скоро въ печати, стало быть труды наши будутъ напрасны. Затѣмъ мысль о переводахъ была совершенно оставлена. Кружокъ занимался чтеніемъ рефератовъ безъ какой-нибудь опредѣленной системы. Желающіе дѣлились съ товарищами прочтенными и заинтересовавшими ихъ статьями, Руководитель совершенно ступшевался. Чуть ли не вся его дѣятельность ограничилась прочтеніемъ привѣтственной рѣчи, наполненной общими мыслями о томъ, что учащаяся молодежь должна стремиться къ добру, къ свѣту, знанію и проч. Помню, что я выступалъ въ кружкѣ съ рефератами два раза. Въ первый разъ я излагалъ содержаніе той главы сочиненія Бокля (I гл. 2 части), въ которой идетъ рѣчь объ исторіи Испаніи. Во второй разъ я читалъ выдержки изъ двухъ журнальныхъ статей, обрисовывавшихъ бытъ 2-хъ противоположныхъ концовъ славянскаго міра—Чешской деревни и Уральской казачьей общины. Въ первой (по описанію Ровинскаго) представлялось большое неравенство состояній—сѣдлаковъ, халупниковъ и домкарей, изъ которыхъ одни обладаютъ достаточнымъ количествомъ земли, другіе—одной хатой съ прилегающимъ къ ней дворомъ и огородомъ, третьи и безъ огорода обходятся. При этомъ дѣти сѣдлаковъ получаютъ хорошее образованіе, нѣкоторые изъ нихъ оканчиваютъ курсъ въ университетѣ. Въ селахъ заведены очень порядочныя бібліотеки. Въ Уральской общинѣ (описаніе ея было заимствовано изъ статей въ газетѣ „Очерки“) полное равенство имуществъ, члены дѣлятъ между собою продукты общей работы (рыбной ловли). Почти такое же равенство оказывается и въ образованіи членовъ общины, ограничивающемся выучкой грамоты у начетчиковъ. Помню интересный рефератъ студента К. (бывшаго впоследствии старшимъ предсѣдателемъ одной изъ судебныхъ палатъ), сообщавшій взглядъ разныхъ писателей на Іоанна Грознаго. Одинъ изъ студентовъ натуралистовъ сообщилъ химическій анализъ нѣкоторыхъ часто встрѣчающихся въ обыденной жизни предметовъ. Дѣйствительно серьезный трудъ былъ представленъ въ слѣдующемъ году въ неполномъ собраніи общества П. А. Матвѣевымъ, который лѣтомъ у себя въ деревнѣ записывалъ рѣ-

шенія крестьянскихъ судовъ по поводу дѣлежа денегъ, вырученныхъ за рекрутскія квитанціи, которыя выдавались семьямъ бывшихъ ратниковъ ополченія. Этимъ трудомъ Матвѣевъ началъ рядъ своихъ наблюденій надъ юридическимъ бытомъ крестьянъ—впослѣдствіи напечатанныхъ. Отмѣчу, что въ числѣ членовъ кружка, о которомъ идетъ рѣчь, былъ мало замѣтный тогда членъ, который впослѣдствіи оставилъ прекрасный слѣдъ въ юридической литературѣ—К. В. Анненковъ.

Лѣто 1863 года я провелъ частію въ Петербургѣ у родныхъ, частію въ деревнѣ Тульской губерніи у знакомыхъ. Пребываніе въ деревнѣ было для меня вдвойнѣ интересно. Во-первыхъ, пришлось познакомиться съ невѣдомымъ для меня до тѣхъ поръ сельскимъ міромъ, и при томъ, въ такое время, когда этотъ міръ приведенъ былъ въ сильное движеніе—дѣйствовали мировые посредники, составлялись уставныя грамоты, заключались условія помѣщиковъ съ ихъ бывшими крѣпостными о дополнительныхъ работахъ. Представлялась возможность многихъ интересныхъ наблюденій. Во-вторыхъ, въ помѣщицьемъ домѣ, гдѣ я пользовался гостепріимствомъ, была очень порядочная бібліотека, гдѣ можно было найти много цѣнныхъ изданій XVIII и начала XIX столѣтій. Между прочимъ я тамъ прочелъ въ первый разъ (въ русскомъ переводѣ) „Духъ законовъ“, Монтескье. Въ Петербургѣ я купилъ недавно вышедшій курсъ уголовного права В. Д. Спасовича и съ увлеченіемъ прочелъ его.

На слѣдующій годъ я рѣшился оставить всякія побочныя занятія и исключительно заняться приготовленіемъ къ экзамену. По возвращеніи въ Харьковъ я сталъ посѣщать лекціи 8-го курса уголовного права Палюмбецкаго, международного права Качановскаго (общіе съ 4 курсомъ), гражданского права Пахмана и лекціи 4 курса гражданского судопроизводства того же Пахмана.

Опишу свои впечатлѣнія отъ прослушанныхъ мною лекцій. О лекціяхъ Качановскаго я уже говорилъ довольно много и прибавить къ сказанному ничего особеннаго не могу.

Обращаюсь къ нашему криминалисту А. И. Палюмбецкому. Я уже сказалъ, что передъ началомъ года прочиталъ учебникъ Спасовича. Въ смыслѣ приготовленія къ экзамену, это чтеніе мнѣ никакой пользы принести не могло. Начиная съ системы курса, все было по-другому. Палюмбецкій былъ строгимъ послѣдователемъ Кестлина. Какой бы вопросъ уголовного права ни разбирался, Палюмбецкій приводилъ цѣлый рядъ мнѣній нѣ-

мецкихъ криминалистовъ по этому вопросу и заканчивалъ его рѣчью, начинающеюся со словъ: „Наконецъ Кѣстлинъ“... Помню то мѣсто программы, въ которой указывались вопросы о дѣйствіи уголовного закона въ пространствѣ и времени, т. е. вопросы о томъ, какой законъ нужно примѣнить, если, напримѣръ, преступникъ подданный одного государства, потерпѣвшій—другого государства, а мѣсто совершенія преступленія—третье государство, или если преступленіе совершено во время дѣйствія одного закона, а судъ надъ преступникомъ или исполненіе приговора должны послѣдовать уже при дѣйствіи новаго закона. Одинъ изъ предыдущихъ билетовъ носилъ заглавіе: „Моментъ существенный и моментъ явленія въ преступленія“, заглавіе же билета, который былъ посвященъ указаннымъ вопросамъ, было такое: „Отношеніе момента явленія въ преступленія къ обособленію права по его содержанию“. Разумѣется, все это можетъ быть разъяснено и разъяснилось. Преступникъ своимъ дѣйствіемъ оскорбляетъ отвлеченную идею права. Въ этомъ существенный моментъ, субстанція преступленія. Но отвлеченная идея права сама по себѣ не можетъ подвергнуться посягательству. Она должна для этого „принять внѣшнее объективное бытіе въ формѣ закона положительнаго“ данной страны и даннаго времени. На эту форму и посягаетъ преступникъ. Здѣсь моментъ явленія въ преступленіи. Если бы преступленіе рассматривалось только въ его субстанціи, какъ нарушеніе идеи права, общей всему человѣчеству, всякой странѣ и всякому времени, то вопросы, подобные вышеприведеннымъ, не могли бы возникать вовсе, стало быть, ихъ появленіе, необходимость посвящать имъ часть науки уголовного права связана именно съ моментомъ явленія, а не съ субстанціей преступленія. Изъ этого примѣра видно, какимъ философскимъ туманомъ покрывалъ Палюмбецкій свое преподаваніе. Его длинная фигура, длинное изсушенное лицо представлялось какимъ-то идеаломъ кабинетной, сухой науки, чуждой всего живого, способной засушить всякаго, съ нею соприкасающагося. Въ то же время эта фигура представлялась также чѣмъ-то въ родѣ отвлеченной идеи права, принявшей только внѣшнее объективное бытіе въ формѣ профессора и декана. И надо сказать, что такое представленіе было согласно съ истиной. По рассказамъ лицъ, знакомыхъ съ недавнимъ прошлымъ Харьковского университета, Палюмбецкій былъ однимъ изъ главныхъ борцовъ, вынесшихъ на своихъ плечахъ осуществленіе идеи законности въ университетской

жизни. Недавнее прошлое университетской жизни излишкомъ законности не отличалось. Профессора держали пансіонеровъ и проводили ихъ въ кандидаты. Называли и нѣсколькихъ профессоровъ-юристовъ, весьма непохожихъ другъ на друга дарованіями и познаніями въ наукахъ, но одинаково способныхъ для дѣятельности коммерческой и одинаково въ ней преуспѣвавшихъ. Рассказывали о карикатурахъ на профессоровъ-взятчиковъ, которыя ходили по рукамъ студентовъ. Изображался, наприм., одинъ профессоръ (кажется финансоваго права), который будто бы развозилъ въ фургонѣ своихъ протезе по ярмаркамъ и показывалъ ихъ за деньги, выкрикивая: „посмотрите, господа, какихъ мы кандидатовъ выпускаемъ; спросите напр. у этого—сколько дважды два—ей-богу не скажетъ“. Обыкновеннымъ способомъ доставленія дипломовъ было сообщеніе экзаменуемымъ вопросовъ, къ которымъ тѣ должны были готовиться. Беретъ студентъ билетъ, начинаетъ путать, профессоръ замѣчаетъ: „Ну, вы это не такъ-то хорошо знаете, ну, а расскажите вотъ что“, и предлагаетъ вопросъ, на который тотъ отвѣчаетъ безъ запинки. „Хорошо, ну, вотъ еще что расскажите“, отвѣтъ по-прежнему безукоривенный, и результатъ получается соответствующій. Упорнымъ, говорятъ, трудомъ и претерпѣніемъ всевозможныхъ непріятностей удалось Палюмбецкому и его друзьямъ добиться утвержденія другого порядка экзаменовъ, который и примѣнялся въ наше время исключительно. Экзаменующійся бралъ по каждому предмету 3 билета и отвѣчалъ только по нимъ. Въ случаѣ рѣшительно неудовлетворительнаго отвѣта экзаменаторъ, въ видѣ снисхожденія, предлагалъ еще вопросъ, но не иначе, какъ испросивъ на это разрѣшеніе остальныхъ профессоровъ (которые всѣ присутствовали на всѣхъ экзаменахъ своего факультета), и отиѣтка въ такихъ случаяхъ ставилась по общему соглашенію и, разумѣется, никакъ не кандидатская. Ни о какихъ протекціяхъ при экзаменахъ вообще, о денежныхъ же въ особенности, въ наше время слышно не было.

Обращаюсь къ разсказу о лекціяхъ послѣдняго профессора, выше мною упомянутаго, — Пахмана — о моихъ отношеніяхъ къ нему.

С. В. Пахманъ, по свидѣтельству профессора Гольмстена, до 1851 года читалъ лекціи въ Одесскомъ Ришельевскомъ лицей (см. статью Гольмстена о жизни и дѣятельности Д. И. Мейера въ приложеніи къ чтеніямъ Мейера по русскому гражданскому праву). Въ этомъ году, по возвращеніи изъ Москвы, гдѣ онъ

защитилъ магистерскую диссертацию „о судебныхъ доказательствахъ“, онъ перешелъ въ Казанскій университетъ по приглашенію и при содѣйствіи Мейера. Въ Казани онъ занялъ тогда кафедру полицейскаго права. Эту же кафедру онъ занималъ и въ Харьковѣ и только въ 1862 году вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ читать и гражданское право. Все его сочувствіе принадлежало очевидно послѣднему. Если его лекція по гражданскому праву приходилась въ праздничный день, то онъ переносилъ ее на ближайшую лекцію полицейскаго права: „лучше пропадаетъ та лекція“, говорилъ онъ своимъ слушателямъ. И дѣйствительно его способностямъ, его строго логической головѣ наиболѣе соотвѣтствовало преподаваніе гражданскаго права, и именно его догматики: изложеніе основныхъ началъ права, изъ которыхъ отдѣльныя опредѣленія закона истекали бы въ качествѣ логическихъ выводовъ. Для усвоенія курса Пахмана, мы имѣли прекрасное подспорье въ вышедшемъ незадолго передъ тѣмъ, подъ редакціей Вицына, курсѣ Мейера. Пахманъ далеко не во всемъ сходился во взглядахъ съ Мейеромъ, но часто ссылался на него, и во всякомъ случаѣ—какъ при согласіи, такъ и при разнорѣчии—имѣлъ въ виду изложеніе Мейера. При чтеніи лекцій Пахманъ часто отступалъ отъ общепринятаго, въ университетахъ, акроматическаго метода преподаванія: часто обращался къ аудиторіи, требуя, чтобы кто-нибудь изъ слушателей далъ отвѣтъ на вопросъ, имъ поставленный. Всегда почти находился кто-нибудь дававшій отвѣтъ. Разумѣется, мы, принимавшіе участіе въ такой катехизисѣ предмета, не всегда давали отвѣты удачныя. Не соглашаясь съ полученнымъ отвѣтомъ, Пахманъ превращалъ лекцію въ простую бесѣду, охотно разъясняя, въ чемъ сдѣлана ошибка, и почему отвѣтъ нужно считать ошибочнымъ. При такихъ бесѣдахъ во время чтенія особенной части гражданскаго права со мною 2 раза случилось слѣдующее. Я завелъ съ С. В. формальный диспутъ, доказывая ему, что его утвержденія противорѣчили сказанному имъ прежде, въ общей части права, что логическимъ выводомъ изъ сказаннаго имъ тогда будетъ именно рѣшеніе вопроса, мною предлагаемое, а не предлагаемое имъ теперь. Такъ мы и разошлись, не уступивъ другъ другу поля сраженія. Черезъ нѣсколько времени мнѣ сообщилъ одинъ изъ молодыхъ харьковскихъ юристовъ, Р. А. Шишкинъ (товарищъ предсѣдателя уголовной палаты, бывшій правовѣдъ, съ которымъ я познакомился чрезъ помянутаго выше Матвѣева), что, встрѣтившись въ одномъ обществѣ съ Пахманомъ, услы-

шалъ отъ него, что одинъ студентъ ему дѣлалъ серьезныя и дѣльныя возраженія. Фамиліи студента Пахманъ не зналъ, но опредѣлилъ его тремя словами: „Рыжій, зубастый и ѣдкій“. Шишкинъ слышалъ, должно быть отъ Матвѣева, о моихъ диспутахъ, и такъ какъ 2 первые эпитета, приведенные Пахманомъ, подходили къ моей наружности, то онъ и понялъ, что Пахманъ имѣлъ въ виду меня. Черезъ мѣсяцъ или 2 послѣ этого разговора, я хотѣлъ сдѣлать Пахману еще одно какое-то возраженіе, но на лекціи пропустилъ удобное время и предложилъ это возраженіе послѣ лекціи, встрѣтивъ Пахмана въ коридорѣ. Выслушавъ мое возраженіе, вмѣсто отвѣта онъ спросилъ меня: „Да вы въ которомъ курсѣ: 3-мъ или 4-мъ? Я васъ вижу и съ тѣмъ и другимъ“. Я отвѣтилъ, что считаю студентомъ 2-го курса, но, состоя въ университетѣ уже 4-й годъ, думаю весною, въ качествѣ сторонняго слушателя, держать кандидатскій экзаменъ. „И прекрасно, сказалъ онъ,— а послѣ экзамена, если пожелаете остаться при университетѣ, то заявите, и я это заявленіе поддержу“.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаю этотъ рассказъ объ отношеніи Пахмана ко мнѣ—студенту, отъ котораго для себя лично онъ ничего ожидать не могъ, и который заявилъ себя, по его собственнымъ словамъ, только „ѣдкостью“,—какъ рассказъ, характеризующій его личность, полагаю, съ прекрасной стороны.

Рассказъ о второмъ годѣ своего харьковскаго студенчества закончу воспоминаніемъ о посѣщеніи университета Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Цесаревичъ заявилъ желаніе посѣтить лекціи 4-хъ профессоровъ: русской словесности Н. А. Лавровскаго, международнаго права Каченовскаго, гражданскаго права Пахмана и русскаго государственнаго права Станиславскаго, и пробыть у каждаго изъ нихъ по $\frac{1}{2}$ часа. Названные четыре профессора далеко не одинаково отнеслись къ предстоявшей имъ задачѣ. Каченовскій и Пахманъ прочли лекціи на ту тему, на которую имъ предстояло читать для студентовъ, и за тѣмъ повторили ихъ своимъ слушателямъ, такъ какъ не всѣ мы могли попасть на чтеніе въ присутствіи Цесаревича. Лавровскій и Станиславскій избрали темы особенныя, которыя, по ихъ предположенію, могли болѣе заинтересовать высокаго гостя. Лавровскій прочелъ введеніе въ какой-то періодъ древней русской словесности, Станиславскій „о правахъ и преимуществахъ самодержавной власти“. Высокій гость

пріѣхалъ въ сопровожденіи графа Строганова, профессоровъ Побѣдоносцева, Бабста и еще другихъ лицъ свиты. Его провожали студенты многочисленною толпою, такъ что въ аудиторіи, въ которую онъ входилъ, могла помѣститься только небольшая часть за нимъ слѣдовавшихъ. Я попалъ только въ аудиторію, въ которой читалъ Станиславскій. Онъ прочелъ свою лекцію съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, отчеканивая каждое слово.

Незадолго до начала экзаменовъ я явился къ инспектору студентовъ (Засядко), который меня вовсе не зналъ, и подалъ ему прошеніе объ увольненіи изъ числа студентовъ и затѣмъ другое о допущеніи къ экзамену. Засядко отечески убѣждалъ меня взять эти прошенія обратно и уничтожить ихъ. „Какъ это вы, студентъ II курса, хотите держать экзаменъ на кандидата!“ говорилъ онъ. Тщетно я представлялъ ему, что я во II курсѣ только считаюсь, и что, не приготовившись, я никакъ бы не рѣшился являться на экзаменъ. „Да понимаете ли вы, что вы уже не можете получить званія дѣйствительнаго студента, вѣдь получить это званіе могутъ только студенты, а не держащіе экзаменъ со стороны“. Я сталъ увѣрять г. Засядко, что званіе дѣйствительнаго студента для меня несколько не привлекательно, и я совсѣмъ объ немъ не мечтаю. Не помню другихъ подробностей нашего разговора, только помню, что онъ продолжался очень долго, и что Засядко, наконецъ, покачивая головою, взялъ мои прошенія.

Вторая весна, проведенная мною въ Харьковѣ (1864 г.), была проведена такимъ образомъ при особыхъ обстоятельствахъ. Рѣшался капитальный вопросъ жизни. Серьезность положенія не мѣшала однако мнѣ пользоваться прелестями южно-русской весны. Каждый почти день я забирался съ записками въ существовавшій тогда Карповскій садъ, залегалъ гдѣ-нибудь на травѣ и прерывалъ свое чтеніе только для того, чтобы сходить „столоваться“. Очень жаль, что теперь, говорятъ, Харьковъ лишился этого лучшаго сада—съ пригорками и оврагами—мѣсто его прорѣзано рельсами желѣзныхъ дорогъ и занято желѣзно-дорожными мастерскими. Не все, значить, въ Харьковѣ улучшилось послѣ нашего времени. Передъ экзаменомъ я перѣѣхалъ на квартиру, которую занимали три бывшихъ петербургскихъ студента Вильсонъ (нынѣ сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента), Ниве и Залебедскій, всѣ трое державшіе кандидатскій экзаменъ по юридическому факультету. Мы

пользовались общими пособиями и раздѣляли общую участь, получивъ всѣ четверо кандидатскія отмѣтки. Можно сказать, что экзамены производились снисходительно. Въ особенности легко ставились отмѣтки 3, т. е. „достаточно“, требуемыя для права на званіе дѣйствительнаго студента. Изъ 30 слишкомъ экзаменовавшихся юристовъ Каченовскій отказалъ въ этой отмѣткѣ по государственному праву западно-европейскихъ державъ только одному студенту. Онъ нанесъ Каченовскому, можно сказать, личное оскорбленіе. На вопросъ: откуда пріѣхалъ въ Англію въ 1688 г. Вильгельмъ Оранскій, онъ отвѣчалъ: „Изъ Испаніи“. Увидѣвъ впрочемъ пораженное ужасомъ лицо Каченовскаго, онъ пожелалъ исправить свою ошибку и сказалъ: „Нѣтъ, изъ Ирландіи“. Такимъ образомъ принцъ, поднявшій на своемъ кораблѣ флагъ съ надписью: „За протестантизмъ и свободу Англіи“, оказался прибывшимъ изъ средоточія католическаго фанатизма! Подобнаго оскорбленія Каченовскій не былъ въ силахъ вынести. Кандидатскія отмѣтки (требовалось 4½ въ среднемъ по всѣмъ факультетскимъ предметамъ) ставились, разумѣется, не такъ щедро. Каченовскій послѣ 2-го моего экзамена у него по международному праву сказалъ мнѣ, что ему пріятно засвидѣтельствовать, что онъ видѣлъ во мнѣ постоянное стремленіе къ упорному труду. Экзаменъ по гражданскому праву сошелъ также прекрасно. Всѣ обстоятельства для того, чтобы мое оставленіе при университетѣ могло осуществиться, складывались благопріятно. Въ концѣ экзамена я зашелъ къ П. А. Лавровскому и рассказалъ ему о благополучномъ исходѣ большей части экзаменовъ, сказалъ въ то же время о предложеніи, полученномъ мною отъ Пахмана, и что я, кажется, остановлюсь на гражданскомъ правѣ, которымъ изъ всѣхъ юридическихъ наукъ я болѣе всего занимался. Онъ отнесся къ этому признанію поощрительно и обѣщалъ въ совѣтѣ свое содѣйствіе. Экзамены окончились, но оставалось еще серьезное дѣло—приготовленіе диссертациі. Я поспѣшилъ уѣхать домой и къ осени вчернѣ заготовилъ диссертацию по гражданскому же праву. Вернувшись въ Харьковъ въ концѣ августа, я, пользуясь университетскою бібліотекою, принялся за окончательную разработку диссертациі и въ октябрѣ мѣсяцѣ подалъ ее декану. Въ то же время диссертациія эта, озаглавленная: „О характерѣ правъ наемщика по договору имущественнаго найма“, была отправлена черезъ одного бывшаго харьковскаго студента, служившаго въ Петербургѣ, въ редак-

цію Журнала Министерства Юстиціи, принята ею и напечатана въ февральской книжкѣ журнала за 1865 годъ. Въ ноябрѣ 1864 года я получилъ кандидатскій дипломъ и официальный вопросъ черезъ декана (А. И. Палюмбецкаго), желаю ли я остаться при университетѣ на стипендію для пригѣтовленія къ экзамену на магистра.

Этимъ собственно и окончились мои отношенія къ Харьковскому университету, но не совсѣмъ окончились отношенія къ его профессорамъ. Предложеніемъ остаться при университетѣ я не воспользовался по „семейнымъ обстоятельствамъ“. Задумавъ жениться, я долженъ былъ скорѣе устроить свое матеріальное положеніе. Въ ноябрѣ же мѣсяцѣ 1864 года я записался кандидатомъ на должность судебного слѣдователя при Харьковской уголовной палатѣ, а въ декабрѣ получилъ 2 предложенія занять мѣсто слѣдователя: въ Екатеринославской и въ Тульской губерніяхъ. Екатеринославскій губернскій прокуроръ обратился къ Д. И. Каченовскому съ просьбой рекомендовать ему кого-либо изъ извѣстныхъ ему кандидатовъ Харьковского университета, и Каченовскій, знавшій о моемъ отказѣ отъ оставленія при университетѣ и о поступленіи въ уголовную палату, рекомендовалъ ему меня. Тульскому прокурору рекомендовалъ меня старшій братъ моей невѣсты, служившій въ Тулѣ предсѣдателемъ одной изъ палатъ. Сообразно своимъ „семейнымъ обстоятельствамъ“, я избралъ Тулу, поѣхалъ въ этотъ городъ представиться прокурору, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (январѣ 1865 г.) поступилъ учителемъ въ Тульскую гимназію, гдѣ въ это время былъ замѣчательный педагогическій составъ. Директоромъ гимназіи былъ И. Ѳед. Гаяринъ, инспекторомъ Евг. Льв. Марковъ. Съ ними я познакомился немедленно по пріѣздѣ въ Тулу черезъ одного изъ гимназическихкихъ учителей.

Названныя лица и нѣкоторые изъ преподавателей равно отличались и талантливостью, и любовью къ своему дѣлу.

Въ Тульской гимназіи я служилъ всего $1\frac{1}{2}$ года. Гаяринъ перешелъ въ Москву окружнымъ инспекторомъ, Марковъ— директоромъ въ Симферополь, нѣкоторые учителя перешли въ столицы; составъ гимназіи радикально измѣнился; я также получилъ возможность перейти въ Петербургъ.

Но кратковременное пребываніе въ Тульской гимназіи увлекло меня въ педагогическую дѣятельность, и я оставался при этой дѣятельности болѣе 30-ти лѣтъ.

Въ 1896 г., обезпеченный пенсіей по должности инспектора классовъ женскаго института, и сохраняя службу только въ учебномъ комитетѣ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, я вернулся къ оставленнымъ мною занятіямъ юридическими науками и вмѣстѣ съ тѣмъ оживилъ свои старыя харьковскія связи. Изъ моихъ харьковскихъ профессоровъ оставался въ живыхъ только С. В. Пахманъ, который еще въ 1866 году перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, а въ 1880-хъ годахъ былъ назначенъ сенаторомъ. Случайно встрѣтившись съ нимъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ его перехода туда, я получилъ приглашеніе заходить къ нему и нѣсколько разъ посѣтилъ его. Возобновивъ свои юридическія занятія, я возобновилъ и знакомство съ нимъ, и въ 1898 году, по его просьбѣ, взялъ на себя разборъ нѣкоторыхъ рукописей, относящихся къ юридическимъ обычаямъ инородцевъ Западной Сибири и присланныхъ къ Пахману, какъ къ предсѣдателю комиссіи при Географическомъ Обществѣ по собранію народныхъ юридическихъ обычаевъ. Составленная мною на основаніи помянутыхъ рукописей статья помещена Пахманомъ въ изданномъ подъ его редакціей въ 1900 году II томѣ Сборника народныхъ юридическихъ обычаевъ, составившемъ XVIII томъ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію этнографіи. Въ 1903, 1904 и 1905 г.г. были напечатаны въ журналѣ „Вѣстникъ Права“ 2 моихъ доклада, сдѣланные въ гражданскомъ отдѣленіи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, по поводу нѣкоторыхъ статей проекта новаго Гражданскаго Уложенія и, кромѣ того, статья: „Вопросъ о родовыхъ имуществахъ въ депутатскихъ наказахъ 1767 года“. Оттиски этихъ статей я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ относилъ Семену Викентьевичу, который постоянно съ большимъ интересомъ относился и къ вопросамъ, мною затрагиваемымъ, и къ моимъ работамъ по нимъ. Затѣмъ занятія юридическими вопросами, чуждыми гражданскаго права, отвлекли меня снова отъ занятій, которыя могли интересовать Пахмана, и я довольно долго у него не былъ. Въ маѣ 1909 года, напечатавъ брошюру: „Очередные вопросы наследственнаго права“, я занесъ экземпляръ ея къ старому наставнику. Меня предупредилъ швейцарь, что сенаторъ боленъ и давно никого не принимаетъ, но предложилъ доложить обо мнѣ. Меня больной принялъ, но вовсе не узналъ меня и не скоро понялъ, чего собственно я хочу отъ него. „Такъ эту книгу я могу оставить у себя?“—спросилъ онъ наконецъ. Я

подтвердилъ свою просьбу принять ее. Онъ выказалъ особенную любезность, выйдя въ переднюю провожать меня, но такъ до послѣдняго моего поклона не вспомнилъ ничего изъ нашихъ прежнихъ отношеній. Въ ноябрѣ слѣдующаго—1910—года я присутствовалъ при отпѣваніи и проводилъ до могилы тѣло послѣдняго изъ моихъ харьковскихъ профессоровъ.

А. Вороновъ.

